

Т.Г.Трофимович (Минск, Беларусь)

ОТ ПОНЯТИЙНЫХ КАТЕГОРИЙ К ЯЗЫКОВЫМ: РОД СТАРОРУССКИХ ПРЕДМЕТНЫХ ИМЕН

Известно, что род, являясь грамматической категорией различных частей речи, относится к наиболее характерным признакам имен существительных. Он считается пережиточной, «палеонтологической» (А.Мейе, К. Уленбек) категорией, уходящей корнями в особенности древнего мифологического мышления. Некогда обусловленная этим мышлением родовая принадлежность возникавших имен-субстантивов оказалась постепенно у их подавляющего большинства (кроме названий лиц и животных) немотивированной, бессодержательной, относящейся к области языковой техники. Все эти обстоятельства, тем не менее, дают основания считать, что «грамматическая категория рода может быть источником тонких семантических эффектов» (В.В.Виноградов), становиться средством экспликации познавательной деятельности носителей языка в процессах номинативной деривации. Родовая принадлежность возникающего наименования-существительного определяется в результате сложных речемыслительных действий, обусловленных закономерностями представления в языке знаний его носителей об окружающей действительности.

Язык старорусской деловой письменности и зафиксированная им система предметных наименований позволяют провести некоторые наблюдения над тем, как связаны между собой понятийные категории и языковые.

Достаточно многочисленной является группа конденсатов агентивного типа, называющих различные пошлины, платы, штрафы и т. п. В качестве базовых имен в соответствующих неоднословных наименованиях могли использоваться слова *деньги, дань, пошлина, плата, корм, оброк, сбор* и некоторые другие. Однако возникавшие конденсаты были, как правило, среднего рода: *важенное, весчье, влазное, вчинное, въездное, выводное, выпускное, грабежное, заслуженное, записное, згонное, закосное, закраденое, караульное, мировое, мимоходное, меновое, опасное, отхожее, отъезжее, печатное, писчье, подоральное, привозное, привязное, приданое, приказное, прикладное, переводное, перепоручное, поварское, поводное, перебылое, перевозное, померное, помочное, порядное, постоялое, постоянное, перекладное, проводное, проезжее, проездное, проплавное, пропускное, причальное, рядовое, сговорное, свальное.*

Эти и другие наименования особенно часто встречаются в так называемых иммунитетных грамотах, содержащих описание пожалованных привилегий и прав. Например, читаем: *Пожаловал есмы тех сирот: не надобе им никоторая дань, ни ям, ни под подвода, ни тамга ... ни стержево, ни писчее, ни медовое. Жал. тарх 1362 г. Не надобе пошлины: портное да объезжее, да коневое. Обельная 1455 г.*

В известном смысле исключительно появление конденсатов именно среднего рода вопреки типичному сохранению родовой принадлежности базового имени. Мы полагаем, что идея *имущества (имения)* объединила в номинативном сознании все виды пошлин, плат, оброков и т.п. (Ср.: *именье – владенье, состояние того, кто имеет; то, что кто-либо имеет, достаток, собственность, собина, состоянье* [Даль, 2, с.42]).

Среди номинативных единиц посессивного типа выделяется группа слов, называющих лиц женского пола. В сфере названий лиц вообще мало имен лица женского пола. Чаще всего это термины родства (*мать, дочь, сестра, вдова, невеста, падчерица, свекровь, жена*) или названия лиц по сословно-имущественному признаку (*царица, княгиня, госпожа, раба, девка, наложница*). Очевидно, что объектом и субъектом права мыслился прежде всего мужчина, женщина же не занимала сколько-нибудь заметного положения в большинстве сфер жизни. Именно поэтому преобладание наименований лиц мужского пола в номинациях лиц следует отнести к особенностям делового языка.

Посессивный признак становился значимым при наименовании небольшой части лиц женского пола, называвших чьих-то жен. Названия возникали по схеме *X – это жена кого, чья*. В памятниках деловой письменности такие единицы встречались редко. ООП по принадлежности более определенно может быть квалифицирован как КОП по принадлежности мужчине. В качестве ономаσιологических базисов использовались различные суффиксы: *-их-а (бобылиха, купчиха, мельничиха, дьячиха, посадничиха), -ын-я/-ин-а (боярыня, государыня, воеводина, дядина), -иц-а (дьячица, лекарица, пономарица, попица)*. Особым способом названия жены являются конструкции, в которых присутствуют универбы, дублирующиеся сочетаниями слова *жена* с притяжательными прилагательными, образованными от фамилии, имени мужа. Например: *Июля в 12 день по лекарице Ульяне по Константиновской жене*

пожаловал государь царь и великий князь... ВКТСМ, 926 об. Пономарица Дарья Обросимовская жена дала вкладу 10 рублей денег. ВКТСМ, 882.

Упомянутый формант *-их-а*, как известно, в русском языке прошлого и настоящего образовывал существительные с модификационным значением женскости. Их слабая представленность в старорусском деловом языке и, судя по СлРЯ, в русском языке XI – XVII вв. определена малой социальной ролью женщин как представительниц определенных профессий (*ткачиха, повариха, лекариха* и т.п.) и как чьих-то жен (*городничиха, целовальничиха, посадничиха* и т.п.). «Русская грамматика» (1980) приводит всего 10 названий жен (*купчиха, пономариха, полковничиха, урядничиха, городничиха, стрельчиха, мельничиха, старости́ха, бобыли́ха, скопчиха*), указывая, что все они устаревшие [РГ 1980, 1, с.203]. В «Обратном словаре русского языка» их порядка четырех десятков, причем почти половина по логике вещей могла бы быть представлена в языке XI – XVII вв. (*бондариха, дьячиха, кузнечиха, писариха, посадничиха, приказничиха, сотничиха, целовальничиха, сидельчиха, становиха, сапожничиха* и т.д.) [ОС, с.95]. Есть основания считать, что в старорусской речи таких единиц было больше, чем зафиксировано в памятниках письменности.

Существование наименований женщин, восходящих к имени или прозвищу их мужей, указывает еще на один путь реализации посессивных отношений, а также свидетельствует о распределении социальных ролей между женщиной и мужчиной. Автору данного исследования известно, что в народной речи белорусов активно использовались и продолжают использоваться неофициальные антропонимы, когда женщин, жен называют по имени или прозвищу мужчин, мужей: *Яци́ха* (муж Яков, Яшка), *Ивани́ха*, *Семениха*, *Петрачиха* (муж Петр, Пётра), *Зуиха* (прозвище мужа Зуи), *Голубиха* (фамилия мужа Голуб), *Штеериха* (фамилия мужа Штеер) и им подобные. Приведенные нами неофициальные антропонимы, отмеченные в деревне Бельчица Полоцкого района Витебской области, подтверждаются другими исследователями. Такие антропонимы возникли с привлечением посессивного признака. Симптоматично, что суффикс *-их-* выступал в качестве деривационного средства в наименованиях самок животных, апеллятивных названиях жен, поэтому его использование в единицах типа *Лявони́ха* продолжает уже намеченную логику именования.

Объем настоящей публикации не позволяет привести все наблюдения над особенностями оформления родовой принадлежности предметных имен в процессе старорусской номинативной деривации. Ограничимся поэтому краткими выводами.

1. Язык деловой письменности в сфере *nomina personae* востребовал чаще всего имена-субстантивы мужского рода, выражая таким образом ярче идею лица, чем идею пола.

2. Последовательный паритет форм мужского и женского рода наблюдается только в наименованиях кровного и свойственного родства. Эта группа названий отражает также особенности социального устройства общества, социальные и имущественные приоритеты.

3. В явлениях семантической конденсации родовая принадлежность возникшего имени определялась, как правило, родовой принадлежностью базового компонента исходного словосочетания. Со временем такая связь могла стираться.

4. В старорусский период роль языковой техники в установлении рода возникшего наименования-существительного велика, хотя отражение реальных половых различий живых существ продолжает оставаться значимым.